

Дублеров просят не беспокоиться

«Репетируем — чисто технически!» — это Лунгин. Проигрывают диалог. Мне не нравится. Совсем. Напряженно и неестественно. И нелепо — столько народу!

«Еще раз! Ты куришь и поворачиваешься!» — Лунгин — Машкову.

Споры по поводу кальяна: курить — не курить. Попробовали курить. Для некурящего Машкова крепкое испытание — он и так очень похудел и вообще имеет правило: не есть на съемках.

Кальян бракуется и отползает ближе к ленинскому бюсту.

Операторы: «Стефан, дай ВД-40 — смазать, чтоб ездил!» Это завершенно для моего понимания.

Пробуют сцену несколько раз. Что-то с цветом изображений у телевизора. Все сначала. Машков самокритичен и требователен к себе: нет, не то — не нравится, не так! Думает. Снова включается. Всякий раз меняет реплики — так естественно. Ведь каждый дубль — живое мгновение, здесь и сейчас, минута — и уже другая энергетика.

Снова гримеры — поправляют прическу, замазывают мельчайшие пятнышки. Техника техникой, а расстояние от камеры до актеров операторы замеряют ледовым способом — сантиметром. Потому что ошибись чуть-чуть — пропало дело: глаза расплывутся.

Ассистенты оператора Виктор Васильевич Никифоров и Василий Петрович Митин — ветераны «Мосфильма». Успевают в перерывах рассказать про былую империю «Мосфильма» и по очереди подсовывают мне шоколадные конфетки с мишками от Шишкина. Успели умыкнуть «с барского стола», прямо из-под носа олигарха — профессионалы!

Машков в перерывах шутит, бросает реплики. Но видно, что на взводе. Наконец: «Снимаем! Мотор! Начали!»

Герои снова курят «косяк». Она вытаскивает из-под подушки мой диктофон. Он: «Что это?» Она: «Диктофон!» — «Зачем?» — «Хочу взять у тебя интервью». — «А я не дам!» — «Дашь!» — «Почему?» — «Потому что я — умная!»

Затянувшись, она: «Кто был первым олигархом?» Па-

уза. «Я!» — «Неправильно!» — «Березовский!» — «Нет! Прометей!» — «Свежая мысль!» — Поцелуй. Она: «Он украл у богов огонь, чтобы дать его людям». Объятия и поцелуи. Он: «А они его прокляли...» — «И поселили на скале. Кажется, где-то на Кавказе, в Чечне»...

Снова целуются. В полной тишине. Под десятками глаз. Десяток дублей. Поди, страшнее супружеской жизни. И чтоб выглядело, как по любви.

«Стоп! Отъехали — исходная — еще раз!» — Лунгин смотрит то в телевизор, то на натуру, до которой рукой подать. Закрыв глаза — кажется, отключился и провалился в летучий сон. И вдруг: «Неубедительный поцелуй! Ускорьте темп, чтоб без провалов»... Какими фибрами, пребывая «в астрале», чувствует фальшь — загадка!

Вдруг всплывает серьезный вопрос: в брюках или без быть Машкову. Ну, кто не знает: конечно, без! Нелогично натягивать брюки сразу после бурной любви.

Машков смешно сбрасывает брюки. Остается в халате нараспашку. Проблема: нет пояса. Машков тут же подыгрывает: «А у меня булавочка есть!» — и кокетливыми «голубыми» шажками на носочках убегает на площадку. Все смеются. Разрядились.

Еще дубль. Голос режиссера Тамары Ивановны Владимировой: «Тебе привезли поясик, Вовочка!» Говорит спасибо. Вежливый.

Снова гримеры что-то улучшают. Господи, до чего же жертвенна красота!

«Сразу, без паузы — еще раз» — Лунгин. Беспощадный, но мягкий — ни разу не крикнул! «Уже очень близко! Еще интенсивней!».

Щелчок хлопушки. Начали!..

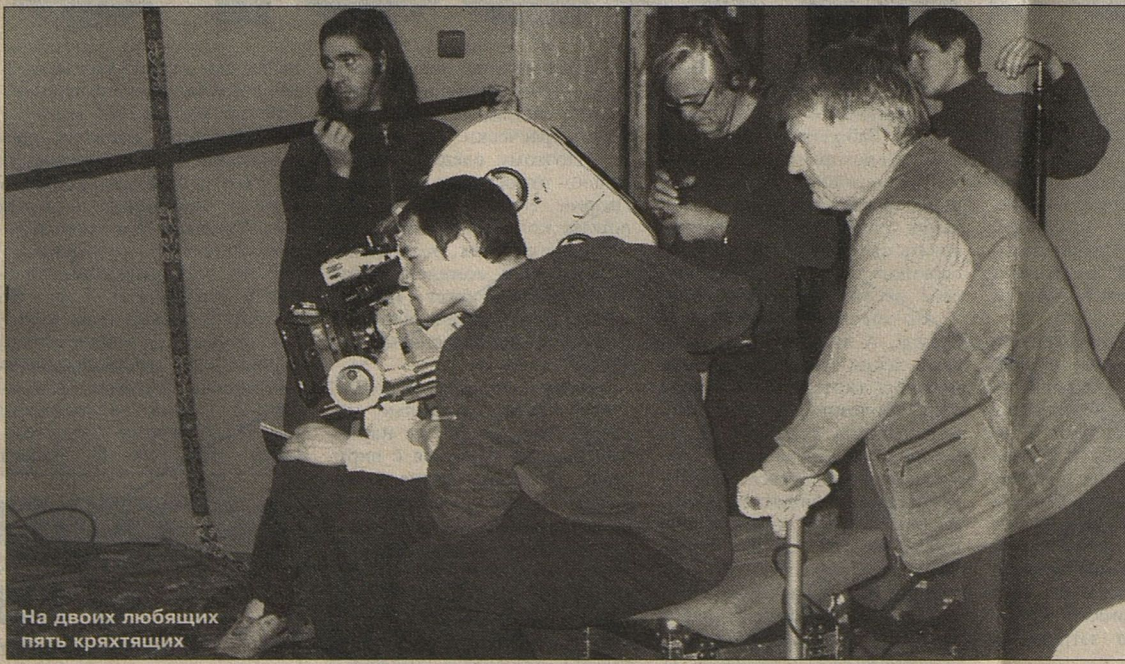
Ух, кажется, сняли... Думаю, устал даже актер-диктофон. Людской ручеек активно перетекает ближе к кухне. Пахнет кофе. Почти съеден торт. Ночь близко подошла к утру.

В дверном проеме появляется новый герой — Ларри, точнее, актер Левани Учанишвили, известный больше по фильму «Кукарача» и американским «Секретным материалам» и живущий теперь в Голливуде. Но с ним — уже другая мизансцена. Я больше не выдерживаю. Трудная профессия — делать кино.

Наверное, одному Всевышнему известно, как из этих тысяч тонн черновой руды получается то, во что мы верим. Весь день — ради трех минут экранного времени!

Выхожу на ночную улицу. Сразу. Без дубля.

● Людмила СТОЛЯРЕНКО

На двоих любящих пять кряхтящих

— Павел Семенович, вы знакомы с Потаниным, Фридманом, Березовским. Их легко назвать умными и очень трудно — добрыми. Создан даже штамп такой — «злой гений». А что там, за штампом?

— Каждый из них — многослойный ящик, у которого вместо дна огромное количество непредсказуемых лабиринтов. Это люди незаурядного ума и редкого умения *желать* и *хотеть*. И достигать. Это особый дар, даже талант. Он во многом детский — только дети обладают такой способностью чего-то хотеть. И порой безрасудно добиваться.

В них есть незаурядные актерские данные. Каждый — по-своему обаятелен. Они и должны быть такими, потому что многого достигают именно за счет обаяния, артистического умения быстро реагировать и «правильно» вести

ство. Я хотел бы показать процесс потери души, превращения человека в странное существо — «кентавра», наполовину состоящего из человеческой плоти, наполовину — из «металла».

Есть замечательный фильм Орсона Уэллса «Гражданин Кейн» — о загадочном и коварном миллионере, внутри которого живут человеческие слабости и прячется обиженный маленький мальчик. Фильм талантлив тем, что он не обличает, а анализирует то, что у человека внутри.

И книга Дубова мне понравилась не только потому, что в ней тоже нет нудных моральных оценок, но и потому, что в ней есть боль. Ведь человек жив, пока испытывает боль. С ее исчезновением наступает полная анестезия. Наш фильм — скорее о становлении олигарха. А о сложившемся олигархе нужно снимать совсем другую ленту.

ОЧАРОВАННЫЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ НЕПРАВИЛЬНОСТИ

Интервью с режиссером Лунгиным между дублями

себя в любой ситуации. Но эта особенность делает их и уязвимыми. Сейчас они, как динозавры, «вымирают», потому что слишком возвышаются: «кончается время динозавров, приходит время полевых мышей».

— Почему?

— Уходит их эпоха. Запад изжил олигархов. И мы изживаем. Они были неким инструментом, необходимым для того, чтобы придать миру движение. Теперь они не нужны обществу. Может, именно потому и возможен фильм об олигархе, что это уже уходящая натура.

Олигархи двинули вперед экономическую жизнь страны и помогли — как могли! — людям осознать себя самостоятельными и независимыми. Ведь что стояло за махинациями того же «ЛогоВАЗа»? А то, что раньше за машинами были многолетние очереди, а сейчас эти «Лады» свалены в мусорные кучи и никому не нужны. Но люди, севшие в новые автомобили, больше не хотят олигархов, благодаря которым эти машины появились. Я включил в сценарий диалог о Прометее, который, собственно, и был первым олигархом, потому что украл огонь у богов и дал его людям. И был проклят.

— У нас народ олигархов не любит, называет их ворами и преступниками. А вы им, похоже, симпатизируете.

— Нет человека, психологически более далекого от магнатов, чем я. Но для меня олигарх — прежде всего фигура живая и поэтому трагическая. Ведь эти предприимчивые люди живут в обломовской стране, где плохие всегда ворвали, а хорошие мечтали на диване. С перестройкой в России они появились вдруг, как редкие особи, не только умеющие мечтать, но и обладающие умением реализовывать цели. В хаосе 90-х годов они начали создавать империю на пустом месте. Это шаг сильных людей.

Наш фильм — и про зло, которое несет погоня за деньгами. Однако мы стараемся уйти от вульгарного представления об олигархах как о банальных ворах. Это живые, трагические люди, которые платят и за свой цинизм, и за предатель-

Лунгин затягивает паузу

— А ваш Платон — человек со слабостями?

— Мне нравятся люди со слабостями. Путь к моему сердцу лежит через человеческие неправильности — не люблю идеальных людей. Они скучны. Наш Платон — человек, у которого слабостей становится все меньше и меньше. И он практически их теряет в конце фильма, становясь настоящим олигархом.

— Что для вас самое трудное в съемках?

— Я пытаюсь сделать не конкретную историю одного человека, а сагу о том, как меняются эпохи. Поэтому, конечно, не хватает ни времени, ни денег. Но куда сложнее соединить в кадре жизненную правду и художественный вымысел и найти такой способ выражения, чтобы показать и монументальность, и гадость в одном явлении.

Володя Машков — талантливый человек и с этим справляется. У него есть поразительное свойство оставаться в роли органичным, чего нет у наших актеров, которые «жирно мажут». Он всегда играет точно. В начале съемок он был довольно увесистым, а сейчас сильно похудел. Это заложено сценарием — некое такое преувеличение: постепенно в Платоне остается только дух, движимый одной целью в жизни, «материальная оболочка» почти исчезает.

— Без боли и без слабости человек умирает. А как вот лично вы планируете оставаться живым?

— Я очень хочу как можно дольше не стать трамваем, идущим по рельсам, проложенным кем-то. Чтобы свою жизнь можно было повернуть влево или вправо и не потерять способности чувствовать радость и боль. Общество все время от тебя чего-то хочет и обтесывает, и люди — и те, которых ты любишь, и те, кто тебя не любит, — тоже постоянно от тебя чего-то хотят и тоже обтесывают. Поэтому очень важно оставаться самим собой.

С годами это дается все сложнее. Накопывается неведомая сила, которая висит на тебе неподъемной скалой, приплюсывает к земле. Но надо сопротивляться. А чтобы не потерять себя, человеку важно не играть ни в какие игры с властью. Художнику вообще нечего делать за теплой пазухой у власти.

● Людмила СТОЛЯРЕНКО
Фото автора